

На правах рукописи

Григорьев Александр Александрович

**СОВЕТСКИЕ НЕВОЗВРАЩЕНЦЫ
И ПЕРЕБЕЖЧИКИ
в 1922–1941 гг.**

Специальность 5.6.1. — Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва • 2022

Работа выполнена на кафедре новейшей отечественной истории исторического факультета Института истории и политики ФГБОУ «Московский педагогический государственный университет».

Научный руководитель: **Зданович Александр Александрович**, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского государственного педагогического университета

Официальные оппоненты: **Зеленов Михаил Владимирович**, доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории

Чичерюкин-Мейнгардт Владимир Григорьевич, кандидат исторических наук

Ведущая организация: Государственный академический университет гуманитарных наук

Защита диссертации состоится « ____ » _____ 2023 г. на заседании Диссертационного совета 24.1.112.02, созданного на базе Института российской истории Российской академии наук, по адресу: 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИРИ РАН и на сайте ИРИ РАН <http://iriran.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2023 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат исторических наук

В.С. Батченко

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Советские невозвращенцы и перебежчики 1922–1941 гг. занимают особое место в истории СССР. Настоящее исследование посвящено изучению истоков и природы данного явления.

Переселение людей из одной страны в другую – явление широко распространенное во все эпохи. С развитием капитализма эмиграция в современном смысле слова приобрела глобальный масштаб. Россию, начиная с последней трети XIX века, до 1917 г., по оценкам специалистов, покинуло 4,5 млн. человек. Причем этнические русские среди них составляли не более 2 %. Выделяют следующие крупные группы эмигрантов: трудовую, религиозную, этно-национальную, политическую. Последняя группа до 1917 года в численном отношении серьезно уступала трем остальным¹. После октябрьской революции структура российской эмиграции существенно трансформировалась. За рубежом в течение короткого периода времени оказался значительный контингент населения (около 1,5–2 млн. человек), представлявший преимущественно высший социальный слой Российской империи.

После окончания гражданской войны в периоды относительной стабильности мы также наблюдаем случаи эмиграции уже советских граждан за пределы РСФСР–СССР. Среди них можно было встретить чиновников, интеллигенцию, рабочих и крестьян. Мотивы, которыми они руководствовались, могли быть самыми разными: от неприятия политического режима до поиска лучших условий жизни. Некоторые из них органично влились в ряды белой эмиграции. Другие – особенно выходцы из партийно-государственной номенклатуры – стояли особняком.

¹ Бочарова З.С. Российское зарубежье как феномен отечественной истории. Учебное пособие. М., 2011. С. 13–14, 18.

Несколько слов о терминологии, используемой в диссертации. Невозвращенцы – эмигранты из СССР, которые выехали из страны по официальным документам и отказались вернуться. Перебежчики – лица, эмигрировавшие из страны, путем незаконного пересечения государственной границы. Термины «невозвращенец» и «перебежчик», а также связанные с ними по смыслу однокоренные слова, использовались как в периодике, так и в официальных документах рассматриваемого периода.

В своей работе термины «невозвращенец» и «перебежчик» мы чаще используем как синонимы. Но иногда подчеркиваем, что невозвращенцы это, в первую очередь, лица, на законных основаниях выехавшие за границу и отказавшиеся вернуться в пределы СССР. К тем советским гражданам, которые нелегально пересекали границу, термин невозвращенцы, по понятным причинам, неприменим. По большому счету не столь существенно, какой способ эмиграции выбирали те или иные лица. Гораздо важнее выяснить мотивы, которыми они руководствовались в своем намерении покинуть страну. Следует также подчеркнуть, что существовала и легальная эмиграция из СССР. Однако, в отличие от тех лиц, которые официально выходили из советского гражданства и на законных основаниях выезжали из страны, невозвращенцев и перебежчиков государственная власть рассматривала как нарушителей закона, или, как минимум, в качестве нежелательных элементов².

Показательно, что многие представители эмиграции первой волны считали себя не эмигрантами, а беженцами, специально подчеркивая, что вынуждены были уехать, спасая свои жизни³. Действительно, эмиграция первой волны была вызвана

² В царской России эмиграция считалась крайне предосудительным и даже уголовно наказуемым деянием. Кроме того, поскольку загранпаспорт был доступен далеко не всем, перемещение за пределы России чаще всего осуществлялось нелегально (Бочарова З.С. Указ. соч. С. 16).

³ Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 143.

конфликтом гражданской войны, и, в ряде случаев, такой уход за границу был жизненно необходимой мерой. Впрочем, современные исследователи, признают, что понятия «эмигрант» и «беженец» для 1920-х гг. сближаются⁴.

Что же касается невозвращенцев и перебежчиков, то они принимали решение об эмиграции вполне добровольно и осознанно в период относительно мирного времени.

Благодаря публикациям перебежчиков из СССР стали известны многие факты советской истории данного периода. В то же время степень достоверности представленной в них информации далеко неодинакова. В настоящее время исследователи не склонны безоговорочно доверять всему, что было написано бывшими советскими гражданами в эмиграции. Несмотря на то, что эти тексты по-прежнему представляются ценным историческим источником, обращение к ним требует самого тщательного источниковедческого анализа. Во-первых, этим людям необходимо было доказать иностранной и белоэмигрантской общественности, что их дальнейшее пребывание в СССР было сопряжено с угрозой репрессий. Учитывая, что некоторые из них на протяжении ряда лет делали успешную карьеру в советском партийно-государственном аппарате, представить себя жертвами большевистского режима было далеко не простой задачей. Во-вторых, сами перебежчики из числа бывших советских граждан нередко оказывались инструментом в руках влиятельных политических сил, включая спецслужбы иностранных государств.

Бывшие советские граждане, принимая участие в антисоветских пропагандистских кампаниях, объективно способствовали дипломатической и экономической изоляции СССР в мире. Кроме того, некоторые новоиспеченные эмигранты из числа хозяйственных работников, будучи замешаны в разного

⁴ Бочарова З.С. Указ. соч. С. 9.

рода махинациях, наносили государству существенный экономический ущерб.

В настоящее время присутствует необходимость изучения феномена невозвращенчества и перебежничества 1922–1941 гг. во всей целостности, а не только отдельных биографий некоторых неординарных личностей. По-прежнему остаются неясными причины этого явления, а их научное осмысление порой подменяется устойчивыми клише, описывающих советских перебежчиков данного периода исключительно как жертв тоталитарного режима. Наконец, по-прежнему в ходу исторические мифы, запущенные советскими перебежчиками 1922–1941 гг., не имеющие никакого отношения к исторической реальности, требующие научного опровержения.

Несомненно, эмиграция советских граждан являлась отражением важных структурных изменений в советском обществе в 1920–30-е гг. Победа большевиков в гражданской войне не означала полного исчезновения социальных противоречий в СССР, на которые накладывались политические конфликты уже внутри самой правящей партии. Изучение случаев бегства за рубеж советских граждан помогает лучше разобраться в специфике социальных процессов и связанных с ними событий, происходивших в стране в указанный период времени, включая сюда демонтаж НЭПа, индустриализацию, массовые репрессии и т. д.

Объектом исследования является эмиграция из СССР в исследуемые временные рамки.

Предметом исследования являются мотивы и обстоятельства бегства советских граждан за рубеж. Анализируется политическая деятельность советских перебежчиков за границей, а именно возникавшие за рубежом политические организации, их программы и тактические установки, контакты с русской политической эмиграцией, спецслужбами и влиятельными

политическими кругами иностранных государств. Исследуются меры, предпринимаемые руководством СССР, для предотвращения бегства отдельных граждан за пределы страны.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1922–1941 гг. Нижняя хронологическая граница обусловлена окончанием гражданской войны и утверждением советской власти в России⁵. Верхняя хронологическая граница связана с началом Великой Отечественной войны. Гражданская и Великая Отечественная война породили огромный поток беженцев и вынужденных переселенцев (так называемые первая и вторая волна эмиграции). Перебежчики и невозвращенцы, о которых идет речь в работе, становились эмигрантами по другим причинам. Ни к первой, ни ко второй волне эмиграции они не принадлежали.

Степень разработанности темы. Первые попытки дать общую характеристику такому явлению как советское невозвращенчество были предприняты в эмиграции. Так, меньшевистский журнал «Социалистический вестник» в 1937 г., говоря об отличиях невозвращенцев 1937 г. от невозвращенцев прошлых лет, подчеркивал, что в 1920-е годы из СССР бежали «беспартийные спецы», совершенно «чуждые» рабочему движению, а в 1937 г. от Сталина уходят люди преданные делу революции. По мнению журнала, невозвращенцы 1937 г. отражают настроения сотен находящихся в СССР убежденных большевиков, вынужденных под страхом репрессий «петь осанну» советскому диктатору⁶. От себя добавим, что данное наблюдение, сделанное меньшевиками-эмигрантами еще в 1937 г., не противоречит имеющимся в распоряжении современных

⁵ Учитывая разнообразие мнений по поводу хронологии гражданской войны в России, мы, тем не менее, придерживаемся традиционной точки зрения, согласно которой окончанием гражданской войны считается октябрь 1922 г.

⁶ Бегство от Сталина: письма В. Кривицкого и А. Бармина – [Послесловие] // Социалистический вестник. 1937. № 23–24. С. 23–24.

исследователей материалам и поэтому не потеряло своей актуальности и в наше время.

В СССР темы, связанные с перебежчиками и невозвращенцами 1922–1941 гг., не находили отражение в научной литературе вплоть до эпохи перестройки. Надо полагать, что сам факт бегства из страны в мирное время ее граждан, был неудобным для официальной пропаганды. Кроме того, пришлось бы объяснять наличие среди перебежчиков членов ВКП(б) с дореволюционным партийным стажем, некоторые из которых стояли у истоков революционного движения в России. Правда, еще в 1930–е годы в советской публицистике упоминались отдельные перебежчики, которые неизменно клеймились как предатели на службе у империалистов⁷.

В позднем СССР интерес к этой теме в значительной степени также имел конкретную идеологическую направленность. Ярким примером этого может служить биография видного партийного и политического деятеля Ф.Ф.Раскольников, опубликованная историком З.В.Гребельским в 1988 г.⁸ Автор, писавший свою работу в период активной критики советского прошлого, целиком посвятил ее доказательству того, что знаменитый революционер был честным и верным ленинцем, а не врагом народа, как утверждала сталинская пропаганда. Разумеется, сейчас выяснять степень идеологической правоверности Раскольников, как и любого другого деятеля той эпохи, не имеет научного смысла.

Лишь в 1990–е годы количество публикаций, посвященных указанной теме, стало расти. Впрочем, на сегодняшний день обобщающих работ, исследующих феномен перебежничества

⁷ См., например, характеристику Г.З. Беседовского в статье: *Бонч-Бруевич В.Д.* Некоторые воспоминания о В.В. Воровском // *Звезда*. 1930. № 11.

⁸ *Гребельский З.В.* Федор Раскольников. М., 1988.

в 1920–1930–е годы, по-прежнему немного. Значительное число публикаций на эту тему имеют персонально-биографический характер и посвящен отдельным, порой, неординарным личностям.

Важно также отметить, публицистический характер многих современных работ о перебежчиках. Авторы нередко представляют массу любопытного материала, который должен заинтересовать современного читателя, привыкшего к сенсационным открытиям и разоблачениям. Вопросам научной методологии, историографии, источниковедческого анализа уделяется немного внимания.

В постсоветское время появились публикации, посвященные сотрудникам разведорганов, бежавших на Запад в период так называемого «большого террора». Интерес к таким фигурам как А.М. Орлов или В.Г. Кривицкий, мемуары которых активно переиздавались у нас начиная с 1990-х гг. не угас и в настоящее время. Можно выделить книгу О.И. Царева и Д. Кастелло «Роковые иллюзии», имеющую бесспорную научную ценность, основанную на рассекреченных архивах российских и американских спецслужб, посвященную советскому разведчику А.М. Орлову. На сегодняшний день это одна из немногих работ о советском перебежчике, которая базируется на объемном архивном материале. Приведя множество интересных фактов из жизни этого крупного советского разведчика, авторы сделали важный для нашего исследования вывод: невозможно судить о происходящем в СССР исключительно по воспоминаниям лиц, бежавших оттуда и стремившихся заслужить благодарность западных хозяев⁹.

Можно также выделить публикацию историка Н.В. Петрова 1995 г., посвященную разведчику-перебежчику Игнатию Рейсу.

⁹ Царев О.И., Костелло Д. Роковые иллюзии. М., 1995. С. 550.

Петров излагает любопытную версию, объясняющую столь поспешную ликвидацию Рейсса советскими спецслужбами в 1937 г.¹⁰ По мнению историка, Рейсс мог стать свидетелем секретных переговоров советских эмиссаров с представителями Третьего Рейха в середине 1930-х гг.

Исключительно важны для нашей темы книги историка В.З. Роговина «Сталинский неонэп», «Партия расстрелянных» и «1937», в которых упоминаются перебежчики второй половины 1930-х гг. И.С. Рейсс, В.Г. Кривицкий, А.М. Орлов, А.Г. Бармин, Ф.И. Раскольников¹¹. Роговина, в первую очередь, интересовали их контакты с Л.Д. Троцким. Исследователь делает, на наш взгляд, важный вывод о том, что политические воззрения этих невозвращенцев в значительной степени отражали взгляды советской антисталинской оппозиции в СССР. В то же время автор, будучи горячим поклонником Л.Д.Троцкого, слишком некритично относится к информации тех же В.Г. Кривицкого и А.М. Орлова, которая представлена в их воспоминаниях. Эти мемуары, несмотря на ряд интересных фактов, которые там содержатся, носили во многом конъюнктурный характер. Идеализация же таких персонажей как В.Г. Кривицкий, на наш взгляд, и вовсе не уместна. Никакими политическими соображениями нельзя оправдать откровенное предательство (известно, например, что Кривицкий сотрудничал с британской контрразведкой).

В 1990-е годы появилось большое количество публикаций, посвященных истории советских спецслужб, в которых упоминаются перебежчики 1920–30-х гг.

В 1998 г. вышел двухтомник А.П. Судоплатова «Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце».

¹⁰ Петров Н. Убийство Игнатия Рейса // Московские новости. 1995. № 63. 17–24 сентября. С. 21.

¹¹ Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1994; *Он же*. Партия расстрелянных. М., 1997; *Он же*. 1937. М., 1997.

В первом томе отдельная глава посвящена перебежчикам второй половины 1930-х гг. в том числе тем из них, кто был ликвидирован советскими спецслужбами¹².

Можно также назвать, опубликованную в 2001 г. книгу Д.П. Прохорова и О.И. Лемехова «Перебежчики. Заочно расстреляны», о советских перебежчиках из числа сотрудников спецслужб за период с 1918 по 1990-е гг.¹³ Авторы обобщили, вышедшую до 2001 г. русскоязычную литературу, посвященную указанной теме. В предисловии исследователи указали на необходимость избегать крайних, политизированных оценок в освещении деятельности этих людей. Признавая, что большинство перебежчиков – личности более чем сомнительные, Прохоров и Лемехов подчеркивают, что в ряде случаев бегство могло быть обусловлено стремлением спастись от репрессий или разочарованием в «прогрессивном строе».

В 2001 г. вышла книга петербургской исследовательницы А.А. Кирилиной «Неизвестный Киров», посвященная этому видному партийному руководителю. В данной работе содержатся важные оценки воспоминаний разведчика-невозвращенца А.М. Орлова. Опираясь на архивы, Кирилина опровергает версию Орлова о причинах убийства Кирова в Ленинграде в 1934 г., доказывая таким образом, что книга воспоминаний бывшего сотрудника НКВД в значительной степени, плод его собственных фантазий¹⁴.

Одной из первых попыток рассмотреть советское невозвращенчество 1922–1941 гг. как цельный феномен была предпринята историком В.Л. Генисом. В 2000 г. в журнале «Вопросы истории» вышла его статья «Невозвращенцы в 1920-е

¹² Судоплатов А.П. Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце. Кн. 1. М., 1998.

¹³ Прохоров Д.П., Лемехов О.И. Перебежчики. Заочно расстреляны. М., 2001.

¹⁴ Кирилина А.А. Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб., М., 2001.

1930-е годы»¹⁵. Публикация основана на богатом архивном материале, преимущественно из фондов РГАСПИ. По мнению исследователя, увеличение случаев бегства за границу во второй половине 1920-х годов была вызвана свертыванием НЭПа и ужесточением политического режима в СССР. Не оспаривая в целом этот вывод, мы должны отметить, что невозвращенчество 1920-х, начала 1930-х гг. представляло собой несколько более сложное явление. Значительная часть невозвращенцев этого времени – сотрудники советских представительств за рубежом, многие из которых были уличены во взятках и прочей коррупционной деятельности. Все это конечно же не отменяет наличие среди невозвращенцев того времени тех кто руководствовался исключительно политическими мотивами.

В различных изданиях в течение 2000–2009 гг. В.Л. Генисом также были опубликованы материалы к биографиям видных советских невозвращенцев Г.З. Беседовского, Г.А. Соломона, А.Л. Шейнмана, С.В. Дмитриевского и многих других. В 2009 г. вышла первая книга Гениса «Неверные слуги режима», в которой были собраны биографии советских невозвращенцев за период с 1920 по 1928 годы. А в 2012 г. вышла вторая книга, охватившая период с 1929 по 1933 годы¹⁶. Оба тома, совокупный объем которых достигает полутора тысяч страниц, явились результатом огромной работы, проделанной историком в московских архивах. Тем не менее, Генис, очевидно, не ставил целью написание строго научного исследования. Книга представляет собой перечень не связанных между собой био-

¹⁵ *Генис В.Л.* Невозвращенцы в 1920-х – начала 1930-х годов // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 46–63.

¹⁶ *Генис В.Л.* Неверные слуги режима. Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Книга 1: «Бежал и перешел в лагерь буржуазии...» (1920–1929). М., 2009; *Генис В.Л.* Неверные слуги режима. Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Книга 2: «Третья эмиграция» (1929–1933). М., 2012.

графий советских невозвращенцев. Автор, судя по всему, намеренно, уклонился от широких обобщений и оценок. Специфика затронутого явления осталась не выявленной. Впрочем, из контекста работы можно понять, что основной причиной бегства советских граждан за рубеж исследователь считает невозможность нормально жить в условиях господствовавшего в СССР политического режима.

Как нам представляется, некоторые современные авторы пытаются, возможно, неосознанно провести параллели между невозвращенчеством 1922–1941 гг. и диссидентским движением 1970-х – начала 1980-х гг. Такой подход, по нашему мнению, методологически не верен, поскольку игнорирует существенные различия между разными эпохами, что, как минимум, ведет к заведомо упрощенным оценкам.

В 2001 г. вышла статья Э.М. Шагина «Власть и ее политические конкуренты в СССР на рубеже 1920–1930-х гг.: мифы и реальность», в которой основное внимание уделено невозвращенцу Н.В. Валентинову¹⁷. Шагин широко использовал его эпистолярное наследие для освещения репрессий в отношении представителей советской научно-технической интеллигенции в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Анализ писем Валентинова к Е.Д. Кусковой позволил усомниться в обоснованности распространенного мнения о том, что так называемое дело «Союзного бюро меньшевиков», фигурантами которого были видные работники органов системы народного хозяйства, явилось исключительно результатом фальсификации ОГПУ.

¹⁷ Шагин Э.М. Власть и ее политические конкуренты в СССР на рубеже 1920–30-х гг.: мифы и реальность // Состояние и проблемы развития гуманитарной науки в Центральном регионе России. Труды 3-й региональной научно-практической конференции. Калуга, 2001; Эта же статья в виде отдельной главы вошла в книгу: Шагин Э.М., Чураков Д.О., Цветков В.Ж. Становление советской политической системы: 1917–1941 годы. М., 2011. С. 146–159.

О Валентинове пишет в своей известной книге «Вожди и заговорщики» историк А.В. Шубин. Важным представляется его вывод о том, что в своих послевоенных публикациях Валентинов предпочел умолчать о некоторых фактах своей биографии, не желая «лить воду на мельницу» советской пропаганды¹⁸. Данный тезис лишний раз подчеркивает активную политическую позицию ряда советских перебежчиков. Даже находясь в эмиграции, они продолжали ощущать себя значимыми игроками в большой политике.

Особо следует выделить книгу А.И. Колпакиди и Д.П. Прохорова изданную ими в 2004 г. о спецоперациях советских спецслужб за границей¹⁹. Работа Колпакиди и Прохорова посвящена преимущественно истории советской разведки и ее секретным операциям. Но затрагиваются в ней также и отдельные перебежчики: Беседовский, Бажанов, Навашин, Солоневич, которые прямо или косвенно были связаны с деятельностью советских спецслужб. Важным достоинством этой публикации является наличие здесь значительного фактического материала.

В 2006 г. Н.А. Аликиной была издана подробная биография известного большевика, оппозиционера и перебежчика Г.И. Мясникова. В книге подробно освещается конфликт между партийным руководством и Мясниковым, описывается политическая деятельность последнего за границей²⁰.

В 2007 г. вышла книга Л.А. Наумова «Сталин и НКВД». В своем исследовании Наумов обращается к воспоминаниям раз-

¹⁸ Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 233.

¹⁹ Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: приказано ликвидировать. Спецоперации советских спецслужб. 1918–1941. М., 2004; См. также: Колпакиди А.И. Политические метаморфозы Г.З. Беседовского // Беседовский Г.З. На путях к термидору. М., 1997.

²⁰ Аликина Н.А. Дон Кихот пролетарской революции: документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати (1920–1922 годы). Пермь, 2006.

ведчика А.М. Орлова. Интересным представляется мнение историка о том, что в своих мемуарах Орлов в ряде случаев намеренно, а иногда не осознанно, искажал факты, касающиеся массовых репрессий в СССР²¹.

В последнее время в научный оборот введено немало новых данных из засекреченных архивов. В этом отношении большой интерес представляет книга Л.Ф. Соцкова «Код операции – «Тарантелла», в которой особое место отведено невозвращенцу, а по совместительству агенту советской разведки, Б.Ф. Лаго²². В книге представлено множество новых материалов об эмигрантской политической группе «Борьба», созданной невозвращенцем Г.З. Беседовским, состоявшей из бывших советских граждан, членов ВКП(б). Информация, приведенная Соцковым, лишний раз свидетельствует о том, что советские перебежчики всегда были объектом пристального внимания спецслужб. Даже оказавшись «на свободе» в одной из демократических стран Европы, они чаще всего оказывались несвободны в своих действиях.

В современной России с некоторых пор особую популярность приобрел эмигрантский публицист, идеолог «народной монархии» И.Л. Солоневич, в 1934 г. бежавший на Запад. Солоневичу посвящены две объемные биографии историков Н. Никандрова (К.Н. Сапожникова) и И.П. Воронина²³. В обеих книгах главный герой представлен непримиримым борцом с большевистским тоталитаризмом за подлинную национальную Россию. При этом авторами игнорируются некоторые неудобные

²¹ *Наумов Л.А.* Сталин и НКВД. М., 2007. С. 138–149.

²² *Соцков Л.Ф.* Код операции – «Тарантелла». Из архива внешней разведки России. М., 2007.

²³ *Воронин И.П.* Гражданин империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича. М., 2013; *Никандров Н.* (Сапожников К.Н.) Иван Солоневич. Народный монархист. М., 2007.

факты, как например, факт сотрудничества Солоневича с Министерством пропаганды Третьего Рейха.

В 2007 г. вышла книга А.А. Здановича «Органы государственной безопасности и Красная армия. Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА. (1921–1934)». Особое внимание в книге уделено случаям бегства за границу военнослужащих РККА. Подчеркивается, что эти факты способствовали принятию в 1934 г. довольно жесткого закона «Об измене Родине». В то же время автор не согласен с теми исследователями, которые рассматривают данное постановление в качестве прелюдии к массовым репрессиям 1937–1938 гг. По мнению Здановича, руководство СССР решало более конкретную задачу, стремясь предотвратить бегство советских граждан за рубеж²⁴.

Перебежчикам 1937–1938 гг. посвящена отдельная глава четвертой книги биографии Л.Д. Троцкого историков Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского²⁵. Авторы показывают активное использование Троцким беглых советских дипломатов и разведчиков в антисталинской пропаганде.

Ценные по своей информативности материалы о таких перебежчиках как И.Л. Солоневич и В. Унишевский публикует в своем живом журнале И.Петров. Особенно интересны его переводы с немецкого языка фрагментов дневника Й. Геббельса и статьи Солоневича в нацистской газете «Ангрифф»²⁶.

²⁴ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА. (1921–1934). М., 2008.

²⁵ Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Кн. 4. Враг № 1. 1929–1940 гг. М., 2013.

²⁶ Петров И. Д-р Геббельс читает И. Солоневича // [Электронный ресурс] – URL: <http://labas.livejournal.com/969430.html> (дата обращения: 26.06.2021); *Он же*. Забытая публикация И.Л. Солоневича // [Электронный ресурс] – URL: <http://labas.livejournal.com/1044378.html> (дата обращения: 26.06.2021); *Он же*. Только на крыльях // [Электронный ресурс] – URL: <https://labas.livejournal.com/1026620.html> (дата обращения: 26.06.2021).

В 2021 году вышли две монографии М.Л. Галас, посвященные ремигрантам (реэмигрантам и репатриантам). Упомянуты в этих работах и советские невозвращенцы. По справедливому мнению автора, данный феномен был обусловлен социально-политическими конфликтами в СССР²⁷.

Интерес к советским перебежчикам проявляли и зарубежные исследователи. Среди работ западных историков на эту тему особое место занимает книга британца Говарда Брук-Шефферда «Судьбы советских перебежчиков». В книге представлены биографии Б. Бажанова, Г. Агабекова, Г. Беседовского, В. Кривицкого, А. Орлова и др.²⁸ К сожалению, данная работа, изданная в начале 1980-х годов, несет на себе отпечаток «холодной войны». Автор, судя по всему, ставил конечной целью разоблачение «ужасов» советской системы, что, разумеется, не способствовало объективному изучению проблемы. В то же время британский историк далек от идеализации своих героев. В частности, он справедливо отмечает, что в ряде случаев главенствующим мотивом, побуждавшим людей порвать с родиной, были меркантильные соображения, ничего общего не имевшие с политикой.

С 1990 по 1991 г. в журнале «Проблемы Дальнего Востока» вышел цикл статей японского историка Хиямы Есиаки под общим названием «Планы покушения на Сталина», посвященных сотрудничеству с японцами в конце 1930-х гг. советского перебежчика Г.С. Люшкова. Хияма Есиаки использовал малоизвестные документы, а также интервью с непосредственными участниками тех событий – японскими военными, служившими

²⁷ Галас М.Л. «Чужие среди своих»... Репатриационная политика России (СССР) в 1920–1940-е гг.: адаптация трудовых мигрантов и ремигрантов; квази-возвращение граждан СССР и приравненных к ним лиц после Второй мировой войны. М., 2021; *Она же*: Россия, которая «самой себе была лигой наций»: правовой статус, политическая, социально-экономическая, идеологическая адаптация российских эмигрантов, беженцев, ремигрантов в 1920–1940-х гг. М., 2021.

²⁸ Брук-Шефферд Г. Судьбы советских перебежчиков. Нью-Йорк, 1983.

в Маньчжурии в те годы. Работа японского исследователя наглядно показывает, что для японского военного командования Люшков всегда оставался лишь инструментом в борьбе против СССР²⁹.

Немалый интерес представляет книга швейцарского историка П. Хубера, посвященная деятельности Коминтерна в Швейцарии. Отдельная глава книги посвящена обстоятельствам ликвидации перебежчика И. Рейсса советскими спецслужбами в 1937 г. В своей работе Хубер опирался, в том числе, на ранее неизвестные материалы западных архивов³⁰.

В последние годы за рубежом вышло немало работ, посвященных истории разведслужб разных стран. В некоторых упоминаются и советские перебежчики довоенного времени. Можно назвать книгу американца Дж. Ричелсона «Разведка в двадцатом веке», а также работу французских историков Р. Фалиго и Р. Коффера «Секретные миссии. Всемирная история разведывательных служб». Здесь упоминаются такие советские перебежчики как, например, В. Кривицкий и Б. Бажанов. Приводятся интересные факты их сотрудничества с британскими и французскими спецслужбами³¹. Некоторый интерес в этом отношении представляют публикации Э. Кристофера, посвященные деятельности советских спецслужб в Западной Европе, где также упоминаются советские перебежчики интересующего нас периода³².

²⁹ Хияма Е. Планы покушения на Сталина // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3. С. 147–155; № 4. С. 131–137; № 5. С. 109–121; 1991; № 3. С. 147–155; № 5. С. 119–129; № 6. С. 136–150.

³⁰ Huber P. *Stalins Schatten in die Schweiz*. Zurich, 1994; Хубер П. *Смерть в Лозанне: Белая эмиграция работает на НКВД* // Новое время. 1991. № 21. С. 36–39.

³¹ Richelson J.T. *A Century of Spies Intelligence in the Twentieth Century*. New York, 1995; Фалиго Р., Коффер Р. *Секретные миссии. Всемирная история разведывательных служб*. М., 1997.

³² Christopher A. *The Mitrokhin archive: The KGB in Europe and the West*. London, 1999.

В 1998 г. вышла книга французской исследовательницы Д. Бон «Похищение генерала Кутепова. Документы и комментарии». Работа, как видно из названия, посвящена похищению советскими спецслужбами в 1930 г. видного деятеля белой эмиграции генерала А.П. Кутепова. Одновременно в книге упоминаются и некоторые советские перебежчики, приводятся факты их сотрудничества с французскими специальными службами и парижской сыскной полицией³³.

Необходимо назвать, вышедшую в 2002 г. работу американского исследователя Г. Керна «Убийство в Вашингтоне. Вальтер Кривицкий и сталинский террор». На сегодняшний день это самое подробное исследование обстоятельств загадочной смерти советского разведчика-невозвращенца Вальтера Кривицкого в 1941 г.³⁴ Керн привлек большой документальный материал, в том числе архивы ФБР, не дав, однако, четкого ответа – что же явилось причиной гибели советского невозвращенца.

Среди работ, в которых перебежчикам периода массовых репрессий (1937–1938 гг.) отведено особое место, следует упомянуть биографию революционера Виктора Сержа (В.Л. Кибальчич), изданную американской исследовательницей С. Вайсман³⁵. Симпатизируя идеям Л.Д. Троцкого, Вайсман, как представляется, некритично относится к публикациям и заявлениям перебежчиков того времени. Вслед за сторонниками Троцкого, исследовательница доказывает существование в 1930-е годы целой программы по уничтожению НКВД политических противников И.В. Сталина, находящихся за пределами СССР.

³³ *Beaune D.* L'enlèvement du général Koutiepoff: Doc. et comment. Aix-en-Provence, 1998; Бон Д. Преступление без наказания. Русская эмиграция глазами французских спецслужб. Похищение генерала Кутепова // Звезда. 1995. № 2. С. 45–78.

³⁴ *Kern G.* A Death in Washington: Walter G. Krivitsky and the Stalin Terror. New York, 2003.

³⁵ *Weissman S.* Dissident dans la revolution: Victor Serge, une biographie politique. Paris, 2006.

В 2010 г. в сборнике «Запад–Восток» вышла статья В.И. Кейдана, посвященная Ф.Х. Бутенко, советскому дипломату, который стал невозвращенцем в 1938 г. и впоследствии воспевал величие фашистского диктатора Б. Муссолини³⁶. В публикации использованы малоизвестные источники, в том числе материалы итальянской фашистской прессы 1930-х гг., архивные документы итальянской Политической полиции, Министерства народной культуры и пропаганды Италии и российского МИДа. Подробно изложив биографию своего героя, Кейдан делает любопытный, но в то же время спорный вывод о том, что борьба за жизнь в условиях репрессий превращает человека в хамелеона. Хотя, пример Бутенко демонстрирует довольно очевидную истину – приспособленцы и беспринципные карьеристы существуют при любых политических режимах.

В 2015 г. увидела свет книга Б. Володарски «Агент Сталина: жизнь и смерть Александра Орлова»³⁷. Данная работа – не только подробнейшая биография советского разведчика-невозвращенца, но также детальная история советской разведки в период 1920–1930-х гг. Упомянуты в ней и другие советские перебежчики, в частности, И. Рейсс, и В. Кривицкий. Автор развенчивает некоторые мифы, связанные с этими фигурами, указывая на их невысокий статус в иерархии специальных служб СССР. Также Володарски обращает внимание на недостоверность ряда сведений в публикациях советских невозвращенцев и перебежчиков.

На сегодняшний день говорить о наличии обширной историографии, посвященной советским невозвращенцам и перебежчикам 1922–1941 гг. не приходится. В то же время у ряда

³⁶ Кейдан В.И. Выбор Федора Бутенко: судьба интеллектуала-невозвращенца в эпоху тоталитаризма // Запад–Восток. Научно-практический ежегодник. Йошкар-Ола, 2010. С. 50–62.

³⁷ Volodarsky B. Stalin's Agent: The Life & Death of Alexander Orlov. Oxford, 2015.

авторов мы находим важные научно подкрепленные выводы, задающие направление для дальнейших исследований.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы, опираясь на уже проведенные научные изыскания и используя документы архивов и другие материалы, провести исследование случаев бегства за границу советских граждан в период с 1922 по 1941 гг. и выяснить истоки и сущность данного явления.

Исходя из цели определяются главные **задачи исследования**: 1) установить, какие мотивы лежали в основе решения ряда советских граждан эмигрировать из страны; 2) выявить связь между отдельными случаями бегства за границу и социально-политическими процессами, протекавшими в СССР в указанное время; 3) выяснить, существовала ли связь между перебежчиками и оппозиционными (антибольшевистскими) группами в СССР; 4) проанализировать политические доктрины, заявления, лозунги, выдвигавшиеся перебежчиками в эмиграции; 5) изучить контакты перебежчиков с белой эмиграцией, ведомствами и службами иностранных государств; 6) проанализировать меры, предпринятые советским государством в ходе борьбы с данным явлением.

Источниковая база исследования определена предметом и задачами исследования. В первую очередь это неопубликованные материалы архивов. Были использованы документы эмигрантских архивов, составляющие так называемую «пражскую коллекцию» ГАРФ. В процессе работы над диссертацией были изучены фонды редакций эмигрантских газет «Последние новости» и «Дни», содержащие в своем составе вырезки из эмигрантских газет, личные письма, документы организаций, имеющие отношение к беглецам из Советской России.

Исследовались личные фонды таких видных эмигрантских деятелей как П.Н. Милюков, В.Л. Бурцев, Е.Д. Прокопович-Кускова, А.И. Гучков.

Важную группу источников составляют документы советских государственных учреждений и аппарата ЦК ВКП(б), содержащихся в ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ и АВПрФ.

В первую очередь, это документы органов партийного и советского контроля (ЦК, ЦКК и Оргбюро ВКП(б), Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции), специально отслеживавших случаи бегства за границу³⁸.

В ходе работы нами также были использованы документы Верховных судов РСФСР и СССР, Прокуратуры СССР, Совета министров СССР³⁹. Так, в документах судебного делопроизводства содержится информация о судебных процессах над невозвращенцами Г.З. Беседовским, А.А. Соболевым, С.В. Воронковым, А.А. Штромбергом, Н.М. Байтиным, В.В. Дельгазом, А.Д. Нагловским, А.М. Миллер-Малисом⁴⁰.

О состоянии дел в торгпредствах СССР за границей, в том числе об уровне коррупции в них, позволяют судить документы выездных проверочных комиссий советского внешнеэкономического ведомства⁴¹.

О численности перебежчиков и невозвращенцев можно приблизительно судить по материалам секретариата ЦИК СССР (после 1936 г. Президиума Верховного Совета СССР), касающиеся вопросов советского гражданства. В них содержатся списки лиц, лишенных советского гражданства, среди которых определенный процент составляли невозвращенцы и перебежчики⁴².

Важным источником являются протоколы заседаний Политбюро, в первую очередь, документы «особой папки», где, в частности, отражены решения высшего партийного руковод-

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Оп. 113. Оп. 36; Ф. 613. Оп. 2; ГАРФ. Ф. Р374. Оп. 27. Оп. 28.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р1005. Оп. 1а; Ф. Р9474. Оп. 42; Ф. Р8131. Оп. 37; Ф. Р5446. Оп. 22а.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р9474. Оп. 42. Д. 424, 158; Ф. Р8131. Оп. 37. Д. 9, 10, 12, 14, 15, 16, 17.

⁴¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 11. Д. 217; Оп. 13. Д. 3727.

⁴² ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 64; Ф. Р7523. Оп. 59.

ства по ситуации в советских зарубежных представительствах и по отдельным случаям бегства советских граждан за границу⁴³.

Использовались документы из личных фондов советских государственных деятелей Ф.Э. Держинского, Н.И. Ежова, А.Л. Шеймана, Б.А. Ройзенмана, содержащихся в РГАСПИ, ГАРФ и РГАЭ⁴⁴.

Важную информацию о деле советского дипломата-невозвращенца Беседовского содержат документы секретной референтуры полпредства СССР во Франции за 1929 год, содержащиеся в АВПРФ⁴⁵.

Из опубликованных документов по теме диссертации нами были использованы материалы из сборника «Советско-польские отношения в политических условиях Европы 1930-х годов XX столетия», касающиеся деятельности перебежчика Б.Г. Бажанова⁴⁶. Кроме того использовались документы о невозвращенце А.Л. Шеймане, опубликованные в книге В.Л. Гениса «Неверные слуги режима»⁴⁷.

Исключительную ценность представляют воспоминания сотрудника аппарата ЦК ВКП(б) А.П. Балашова о перебежнике Б.Г. Бажанове, записанные в виде интервью Ю.С. Мархашовым и опубликованные в журнале «Полис» в 1991 г.⁴⁸

Особую группу источников составляют воспоминания непосредственных участников событий, в первую очередь, самих

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3, Оп. 162. Оп. 166.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 46; Ф. 76. Оп. 2. Д. 416. Оп. 3. Д. 396; ГАРФ. Ф. 7511. Оп. 10. Д. 591; РГАЭ. Ф. 9590. Оп. 1. Д. 132.

⁴⁵ АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 13. П. 132. Д. 438.

⁴⁶ Дьяков Ю.Л. Неизвестные документы об отношениях СССР (России) и Польши в XX веке // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 1930-х годов XX столетия. М., 2001. С. 50–70.

⁴⁷ Генис В.Л. Неверные слуги режима. Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Книга 2: «Третья эмиграция» (1929–1933). М., 2012. С. 683–685.

⁴⁸ Балашов А.П., Мархашов Ю.С. Старая площадь, 4 (20-е годы) // Полис. 1991. № 1. С. 181–182.

невозвращенцев и перебежчиков⁴⁹. В изданных за границей воспоминаниях в числе главных причин, побудивших их поехать с родиной, чаще всего называется угроза репрессий со стороны властей. Несмотря на то, что такого рода угрозы иногда действительно имели место, в ряде случаев мы сталкиваемся с очевидными преувеличениями, сознательным искажением фактов. За некоторым исключением историографическая ценность этих текстов невелика.

Наиболее громкие случаи бегства советских граждан освещались в белоэмигрантских печатных изданиях. Нами были использованы архивные фонды некоторых эмигрантских СМИ, в которых содержатся как деловая переписка сотрудников изданий, так и газетные вырезки, удобно сгруппированные по темам. Использовались отдельные номера газет «Общее дело», «Возрождение», «Младоросская искра», а также журналов «Иллюстрированная Россия» и «Социалистический вестник».

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и системности. В основу диссертационного исследования положены: метод коллективной биографии и историко-системный метод. Изучение биографий определенной категории советских граждан помогает понять поведение людей, мотивы поступков, их политические взгляды, способы адаптации к новым эмигрантским условиям, характер взаимоотношений с властными структурами иностранных государств и т. д. Исследуется как типичное поведение

⁴⁹ *Бажанов Б.Г.* Борьба Сталина за власть. Воспоминания личного секретаря. М., 2017; *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. М., 1997; *Валентинов Н.В.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991; *Он же.* Недорисованный портрет. М., 1993; *Дмитриевский С.В.* Судьба России. Берлин, 1930; *Он же.* Сталин. Берлин, 1931; *Он же.* Советские портреты. Стокгольм, 1932; *Кривицкий В.Г.* Я был агентом Сталина. М., 2013; *Ларсонс М.Я.* На советской службе. Записки спеца. Париж, 1930; *Орлов А.М.* Тайная история сталинских преступлений. М. – Берлин, 2015; *Порецки Э.* Тайный агент Дзержинского. М., 1996; *Соломон Г.А.* Среди красных вождей. Ленин и его семья (Ульяновы). М., 1995; Федор Раскольников о времени и о себе. Воспоминания. Письма. Документы. Л., 1989.

людей в схожих условиях, так и «экстремальные», нетипичные случаи, демонстрирующие сложность изучаемого феномена. Не отрицая роль сугубо личных мотивов в принятии тех или иных решений, необходимо помнить, что личный выбор ряда советских перебежчиков отражал настроения целых социальных групп, политических партий, а также интересы некоторых иностранных государств.

В связи с этим исследование заявленной темы не может ограничиться изучением персональных биографий. В рамках историко-системного метода отдельные личности рассматриваются на широком фоне протекавших в то время общественно-политических процессов. Так при изучении случаев бегства из СССР в 1920-е гг. госслужащих, последние рассматриваются в качестве исходного элемента сложной системы более высокого уровня – советского управленческого аппарата эпохи НЭПа. Анализ становления советской бюрократии в указанный период помогает лучше понять социальный облик отдельных персоналий и мотивы их поступков. В то же время и советское общество рассматривается как сложная динамическая система, переживавшая в 1920–1930 гг. ускоренную трансформацию. Уникальная специфика изучаемого феномена (невозвращенцев и перебежчиков) не может быть понята без учета противостояния социалистического СССР и остального капиталистического мира, которое, в свою очередь, составляло важное противоречие в динамической системе мирового общественного развития. История советских перебежчиков, таким образом, рассматривается как органическая часть российской и мировой истории.

Научная новизна работы. В ходе работы над диссертацией в научный оборот были введены неизвестные документы из фондов ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ и АВПРФ.

Представляемым диссертационным исследованием восполняется пробел в историографии, поскольку в настоящее

время существует очень небольшое число работ, авторы которых задавались целью обобщить имеющиеся факты по советским перебежчикам 1922–1941 гг.

В этой связи критически пересматриваются положения и выводы предшествующей литературы. В частности, показано, что бегство за рубеж советских граждан в указанное время далеко не всегда был обусловлен неприятием политического режима или угрозой репрессий. Нередко мотивы, которыми руководствовались перебежчики, были вполне меркантильными.

В диссертации впервые предпринята попытка рассмотреть имеющиеся материалы в проблемном ключе, в связи с важнейшими событиями советской истории указанного периода. Было показано, что случаи бегства некоторых советских граждан за границу являлись отражением глубокой социальной трансформации в СССР 1920–30-х гг. в ходе формирования нового общественного строя, представлявшего собой специфический вариант модернизации.

Практическая значимость работы. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке трудов по истории государственного строительства и внутривнутриполитической борьбы в СССР в 1920–1930-е годы, а также по истории русской политической эмиграции. Представленные в работе выводы могут применяться в дальнейших исследованиях теоретических проблем социальной истории советского государства указанного периода.

Структура диссертационного исследования. Текст диссертации состоит из введения, двух глав и шести параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений.

Основные положения, выносимые на защиту:

В 1920-е годы органы партийно-государственного контроля в СССР, а также эмигрантские СМИ фиксировали случаи бегства из страны советских граждан, в том числе госу-

дарственных служащих. Некоторые из них мотивировали свое решение несогласием с проводимой в СССР политикой. Впрочем, реальные мотивы, побуждавшие этих людей к эмиграции, были самыми разнообразными, в том числе, вполне меркантильными. Так, значительное число невозвращенцев второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. из числа чиновников оказалось замешана в коррупции.

Социальные трансформации, происходившие в СССР в 1920–1930 гг. вкуче с формированием уже на иной социальной основе новой государственности, имели своими последствиями, в том числе, эмиграцию из страны некоторых граждан.

Иногда перебежчики были связаны с реально существовавшими в СССР оппозиционными группами. Хотя чаще наблюдались случаи, когда бывшие госслужащие транслировали настроения какой-то части советской бюрократии и партийного аппарата.

В своих зарубежных публикациях перебежчики предлагали свое собственное видение будущего России. Критика существующих в стране порядков велась с самых разных позиций. Так, среди политически активных перебежчиков мы видим и левых социал-демократов, и троцкистов, и монархистов.

За рубежом перебежчики из СССР становились объектом пристального внимания со стороны белоэмигрантских кругов, а также различных ведомств и служб иностранных государств. Волей-неволей многие из них становились участниками политических акций, направленных против СССР.

Для недопущения бегства за границу советских граждан правительство принимало довольно жесткие репрессивные меры, которые свидетельствуют о том, что власть рассматривало перебежчиков как вполне реальную угрозу.

Апробация результатов исследования. По исследуемому в диссертации комплексу проблем автором были подготовлены публикации в научном сборнике, а также в историческом

журнале из списка ВАК. Текст диссертации обсуждался на кафедре новейшей отечественной истории исторического факультета Института истории и политики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет».

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** диссертационного исследования обосновывается актуальность темы, обозначаются цель и задачи исследования, рассматривается историография вопроса, формулируются методологические основы исследования.

В **первой главе** исследования *«Борьба государства с коррупцией в советских представительствах за рубежом в 1920-е – начале 1930-х годов. Появление государственных служащих-невозвращенцев»* автором рассматривается проблема коррупции в Наркомате внешней торговли СССР и меры, принимаемые властями для борьбы с этим негативным явлением, которое в свою очередь нередко становилось причиной бегства за рубеж госслужащих.

В **первом параграфе** *«Коррупция в советских зарубежных представительствах и чиновники-невозвращенцы (в 1920-е – начале 1930-х годов)»* рассчитана общая численность невозвращенцев и перебежчиков за рассматриваемый период времени. Проанализирована ситуация в советских торговых представительствах за рубежом. Показана тесная связь случаев бегства советских чиновников за рубеж с высоким уровнем коррупции в аппарате внешней торговли. Приведены наиболее характерные примеры бегства госслужащих за границу. Среди них встречались и те, кто мотивировал свое решение исключительно политическими причинами, но

таких было явное меньшинство. Более того, иногда неприятие политического режима в СССР уживалось с желанием за счет государства поправить свое материальное положение. В социальном плане среди невозвращенцев и перебежчиков данного периода доминируют представители интеллигенции, включая находящихся на советской службе так называемых «буржуазных специалистов».

Во втором параграфе *«Организационно-кадровые мероприятия государственной власти в системе советской внешней торговли в 1920-е гг.»* проанализированы многочисленные попытки властей навести порядок в заграничном аппарате советских ведомств. Эти мероприятия были частью общей кампании по «оздоровлению» управленческого аппарата. Предполагалось не только освободить аппарат от «социально-чуждых» элементов, но, в первую очередь, победить коррупцию, которая была довольно заметным явлением в годы НЭПа. На протяжении 1920-х гг. многочисленные ревизионные комиссии ЦКК ВКП(б) и НК РКИ пытались решить эти проблемы путем чистки советских представительств за рубежом. Однако, меры эти, наталкиваясь на сопротивление бюрократии и части партноменклатуры, не приводили к существенному улучшению ситуации. Начиная с 1925 г. количество невозвращенцев-госслужащих резко возрастает, что косвенно свидетельствует о стремлении властей взять заграничные представительства под более плотный контроль.

В третьем параграфе *«Реорганизация советского государственного аппарата за границей на рубеже 1920–1930-х гг. Новая кадровая политика»* рассмотрены глубокие социальные причины случаев бегства советских граждан за рубеж. Нехватка квалифицированных специалистов приводила к тому, что на ответственных должностях нередко оказывались люди случайные, коррупционеры или просто авантюристы, причем немалый процент чиновников составляли еще

дореволюционные кадры. В свою очередь, высокий уровень коррупции советской бюрократии в это время был обусловлен особенностями нэповского государственного капитализма, который был сознательно демонтирован властями в конце 1920-х гг. Особое внимание уделено генеральной чистке государственного и партийного аппарата запущенной в 1929 году, проводимой одновременно с реорганизацией структур управления народным хозяйством. Чистка имела своим результатом рост количества случаев невозвращенчества госслужащих на рубеже 1920–1930-х гг. Впрочем, начиная с 1932 г. невозвращенчество госслужащих постепенно сходит на нет. Необходимость проведения этих мер диктовались не только и не столько политико-идеологическими соображениями, сколько стоявшими перед страной задачами осуществления в кратчайшие сроки индустриализации.

Во второй главе *«Невозвращенцы и перебежчики в 1922–1941 гг. и политическая оппозиция в СССР»* рассматриваются связи между отдельными случаями бегства советских граждан за рубеж и деятельностью оппозиционных (а также антисоветских) групп в СССР.

В первом параграфе *«Политическая эмиграция и оппозиционные группы в СССР»* рассмотрены несколько случаев бегства советских граждан за пределы страны, которые можно уверенно связать с оппозиционными и антисоветскими группами, действовавшими в разное время на территории СССР. Число таких примеров было невелико, однако, нередко были случаи, когда перебежчики использовали политические лозунги для достижения своих личных целей. В решении некоторых советских граждан 1920-х – начала 1930-х гг. порвать с родиной причудливо переплетались самые разные мотивы, как политические, так и сугубо меркантильные. Иная ситуация наблюдается в годы так называемого «большого террора» (1937–1938 гг.). Несомненно, что случаи бегства советских

граждан за рубежом в это время были обусловлены, в первую очередь, массовыми репрессиями. При этом некоторые из перебежчиков негативно отнеслись к радикальной смене идеологического курса советского правительства во второй половине 1930-х гг., считая это предательством идеалов революции. В ряде случаев перебежчики из числа сотрудников госорганов и спецслужб в своей публицистике транслировали настроения какой-то части партийно-государственной номенклатуры.

Во втором параграфе «*Политическая активность невозвращенцев и перебежчиков за рубежом*» проанализирована политическая деятельность невозвращенцев и перебежчиков за границей. Оказавшись за рубежом, новоиспечённые политэмигранты рассуждали о необходимости борьбы со сталинизмом за демократию, освобождение крестьян из «колхозного рабства» и т.д. Существенно, что такого рода политические лозунги находили поддержку у части белой эмиграции. Возникла иллюзия, что появление высокопоставленных невозвращенцев является верным признаком разложения всего советского аппарата и не за горами уже долгожданный крах большевистской диктатуры. В идейном отношении советские перебежчики 1922–1941 гг. представляли собой весь идеологический спектр – от правых националистов и монархистов, до интернационалистов, сторонников Л.Д.Троцкого. Можно увидеть и определенную закономерность в поведении политически активных перебежчиков в эмиграции – вне зависимости от идеологических пристрастий, войдя в тесный контакт с белоэмигрантскими кругами и службами иностранных государств, бывшие советские граждане принимали посильное участие в акциях, направленных против СССР. Имели место примеры сотрудничества некоторых из них с государственными структурами Третьего Рейха и фашистской Италии в 1930–е годы.

В третьем параграфе «*Законодательные инициативы советской власти в конце 1920-х – начале 1930-х гг.*» Ужесточе-

ние репрессивной политики» рассматриваются меры властей по предотвращению бегства советских граждан за рубеж с целью купирования возникающих при этом политических угроз. В 1929 и 1934 гг. власть принимает достаточно жесткие правовые акты, которые грозят суровыми репрессивными мерами, как самим перебежчикам, так и членам их семей. Несомненно, что их жесткость была обусловлена непростой обстановкой как в самом СССР, так и на международной арене в данный период времени. Кроме того, не следует забывать, что данные меры грозили репрессиями довольно узкой категории советских граждан, а именно государственным служащим и, в первую очередь, тем, кто занимал ответственные должности в советском аппарате. Эти же законы составили правовую базу для проведения гласных судебных разбирательств начала 1930-х гг., где в качестве обвиняемых фигурировали советские граждане, бежавшие за рубеж. Кроме того, в 1920–1930-х гг. советские специальные службы осуществляют ряд акций, направленных на физическое устранение отдельных невозвращенцев и перебежчиков. Впрочем, говорить о наличии единой государственной политики террора по отношению к бывшим гражданам СССР, бежавшим за границу, не приходится.

В заключении подводятся итоги исследования, в ходе которого было показано, что причины, толкавшие советских граждан к бегству из страны в 1920–1930-е годы, были самыми разнообразными – от неприятия политического режима до желания избежать уголовного наказания. Процесс становления советской государственности, сопровождавшийся мощными социальными трансформациями, породил своеобразную эмиграцию. В ряде случаев, правда, довольно немногочисленных, мы видим связь перебежчиков с разного рода оппозиционными группами в СССР как внутривластными, так и откровенно антисоветскими. Причем среди оказавшихся в эмиграции бывших советских граждан, мы увидим сторонников самых разных иде-

ологических доктрин. Политические убеждения перебежчиков, как правило, не являлись препятствием для установления контактов последних со специальными службами иностранных государств и антисоветскими эмигрантскими организациями. Данное обстоятельство вызывало ответную, довольно жесткую реакцию советского государства.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях в рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

Григорьев А.А. Чиновники-невозвращенцы и борьба с коррупцией в аппарате советских заграничных представительств в 1920-е – начале 1930-х гг. // Клио. 2018. № 2 (134). С. 55–61. (0,8 а. л.)

Григорьев А.А. Политическая активность советских невозвращенцев и перебежчиков в эмиграции в 1920–1930-е гг. // Клио. 2018. № 3 (135). С. 84–91. (0,8 а. л.)

Григорьев А.А. Н.В. Валентинов (Вольский) об антисталинской оппозиции в СССР 1920-х – начала 1930-х гг. // Клио. 2018. № 5 (137). С. 22–28. (0,7 а.л.)

Публикации в других научных изданиях:

Григорьев А.А. С.В. Дмитриевский – советский невозвращенец, идеолог национальной революции // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: социально-исторические науки. М: Прометей, 2004. С. 104–109. (0,24 а. л.)

